

К 200-летию со дня рождения М. Н. Каткова (1818–1887)

В. А. Фатеев

## М. Н. КАТКОВ И Н. Н. СТРАХОВ. ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ДВУХ НЕПОХОЖИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию взаимоотношений двух видных представителей русского консерватизма второй половины XIX века: влиятельного редактора журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова и представителя «почвенничества» — философа, критика и ученого Н. Н. Страхова. Их отношения, колебавшиеся от взаимного интереса, идейной близости и сотрудничества до недружественных выпадов и даже периодов конфронтации, никогда прежде не становились объектом научного исследования. В статье прослеживаются все основные этапы их взаимоотношений: переписка и идейное сближение на основе неприятия распространившегося среди молодежи нигилизма в начале 1860-х гг., попытки сотрудничества и конфликт, приведший к закрытию журнала Достоевских «Время», новый период сотрудничества, временный разрыв из-за конфликта Каткова с Л. Н. Толстым по поводу романа «Анна Каренина», возобновление сотрудничества на почве противостояния радикальным литературным направлениям. Особый акцент сделан на сближавшей этих двух заметных представителей консервативного движения теме борьбы с нигилизмом. Сравнительный анализ взглядов основывается на сопоставлении широкого круга литературно-публицистических произведений, эпистолярных и архивных источников.

**Ключевые слова:** М. Н. Катков, Н. Н. Страхов, консерватизм, почвенничество, народные начала, славянофильство, охранительство, западничество, нигилизм, радикальная оппозиция, Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, И. С. Аксаков, Л. Н. Толстой.

Русский консерватизм — сложное и разнородное явление. Консерваторами часто называют людей с очень разными взглядами, которые имеют между собой мало общего и не только спорят, но и враждуют. Есть, по крайней мере, две совершенно непохожих друг на друга категории консерваторов: консерваторы, которые занимаются политической деятельностью и выступают в литературе преимущественно как публицисты, и консерваторы творческого склада, идейные взгляды которых выражены менее четко и с трудом поддаются классификации. Именно к двум этим различным и трудно сопоставимым категориям относятся рассматриваемые здесь М. Н. Катков и Н. Н. Страхов.

Если с определением степени консерватизма публицистов и политиков обычно нет проблем, то включение в ряды консерваторов представителей таких творческих направлений, как славянофильство или почвенничество, носит весьма условный, относительный характер ввиду сложности этих явлений и сильно зависит от применяемых при оценке критериев. Неслучайно славянофилов, например, одни исследователи, указывая на их традиционализм, неприятие ими петровских реформ и вообще идеи прогресса, идейное противостояние с либеральной Европой, опору на незыблемость самодержавия и восходящие к Византии святоотеческие начала Православия как исторического выбора русского народа, вполне справедливо относят к консерваторам, а другие не менее аргументированно, указывая на их борьбу за отмену крепостного

---

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Росток» (vfatyev@gmail.com).



Николай Николаевич Страхов.  
1850-е гг.

права, местное самоуправление, опору на общину, требование полной свободы слова и отстаивание идеи Земского собора, т. е. почти парламента, считают их либералами и чуть ли не социалистами.

Точно так же зыбки и границы такого недостаточно изученного литературно-философского направления, как почвенничество. Почвенничество, к которому причисляют в первую очередь Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, также обычно считают умеренным консервативным направлением, хотя не только взгляды этих писателей довольно различны, но и сама общая программа этого направления весьма расплывчата и содержит немало элементов, которые трудно отнести к консерватизму.

Историки культуры находят в почвенничестве много общего с ранним славянофильством. Розанов, например, считал его просто петербургской разновидностью славянофильства. Да и Н. Н. Страхов однажды в письме к И. С. Аксакову прямо признал это: «„Время“ было, если хотите, просто попыткой популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве»<sup>1</sup>. Однако чаще сами почвенники стремились отложиться от славянофильства, указывая, в частности, на такие его недостатки, как излишний теоретический догматизм и дворянский аристократизм.

Что же касается Каткова, то он, при всем своем первоначальном либеральном англофильстве, был в основной период своей деятельности ярким и энергичным, несколько даже прямолинейным консерватором-государственником. Его консерватизм имеет мало общего с консервативными сторонами мировоззрения философа-почвенника Н. Н. Страхова<sup>2</sup>. Более того, Катков весьма скептически относился к славянофильству и почвенничеству. Как бы то ни было, Катков и Страхов нередко соприкасались друг с другом, и исследование их взаимоотношений, сопоставление их взглядов, проявившихся во взаимном общении, позволяет не только найти точки их сближения или расхождения, но и еще раз на конкретных примерах прояснить черты, характерные для почвенничества и охранительного консерватизма катковского типа.

\* \* \*

Страхов и Катков познакомились в конце 1859-го или, скорее, в начале 1860 г. После публикации Страховым цикла натурфилософских статей «Физиологические письма» в газете «Русский мир» (1859), а также статей «Значение гегелевой философии в настоящее время» и «Письма о жизни» в журнале «Светоч» (1860) на молодого ученого-естественника с философскими задатками обратил внимание не только критик и поэт Аполлон Григорьев, сразу распознавший в молодом таланте родственную душу идеалиста и романтика. Тогда же им заинтересовался и известный московский публицист и издатель Михаил Никифорович Катков, завершавший как раз в этот период поворот от умеренного западничества к ультраконсервативным имперским взглядам.

<sup>1</sup> И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. М.; Оттава, 2007. С. 26.

<sup>2</sup> Подробнее о творческом пути и взглядах Н. Н. Страхова см.: *Фатеев В. А.* «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова) // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 145–175.

Любопытно, что познакомившись с издателем «Русского вестника» и вступив с ним в переписку, Страхов, как он сам вспоминает, задумал помочь Григорьеву, удивительный талант которого не находил себе места. Зная о недовольстве Каткова критическим отделом своего журнала, Страхов написал ему, что никто так не подходит для этого дела, как Аполлон Григорьев. Подействовало ли это письмо Страхова или другие причины, но только через некоторое время Григорьев был вызван в Москву на переговоры. Вернулся он в Петербург через несколько дней, как писал Страхов позже в «Воспоминаниях об А. А. Григорьеве», «с полным торжеством». Страхов вспоминал: «Он привез с собой книжку “Русского вестника”, в которой только что была напечатана моя статья, и говорил с большою радостью: “ну вот, мы с вами будем проповедывать с кафедры, у которой шесть или семь тысяч слушателей”»<sup>3</sup>. Как раз к этому периоду, видимо, относится письмо Григорьева к Страхову от 10 июня 1860 г. с такими словами: «Я сегодня только воротился из Москвы, откуда приехал я помощником редакции „Русского вестника“ и, пока еще я здесь, — уполномоченным Каткова на разные сношения с гг. сотрудниками журнала. Михайла Никифорович поручил мне передать Вам, что он искренне уважает Вас и глубоко Вам сочувствует — и что, всё что Вы ни напишете, будет с возможною скоростью помещаемо в „Вестнике“»<sup>4</sup>. Если бы Григорьев со Страховым прижились в «Русском вестнике», то консервативный журнал обрел бы мощную критическую силу.

Сначала в журнале Каткова у Григорьева всё шло ладно и вот-вот в «Русском вестнике» должна была появиться его первая статья. Однако из-за каких-то неясных обстоятельств, о которых сам Страхов умалчивает, хода Григорьеву в журнале не давали, и там не было напечатано ни одной его статьи. На самом деле случилось вот что: Катков неосмотрительно выдал Григорьеву на руки значительную сумму денег для петербургских литераторов, и поэт, не удержавшись от соблазна, пустился в разгул. На этом сотрудничество Григорьева с Катковым навсегда закончилось со скандалом. После разрыва с «Русским вестником», тщетных намерений возродить «Москвитянин» и всевозможных мытарств к зиме Григорьев объявился в Петербурге и в скором времени, побывав даже в долговом отделении, присоединился к редакции журнала «Время», возглавляемой братьями Достоевскими.

Итак, в 1860 г., еще до сотрудничества Н. Н. Страхова в журнале Достоевских, М. Н. Катков пригласил этого молодого, никому неизвестного тогда магистра зоологии печататься в журнале «Русский вестник». На творческом счету Страхова, помимо указанных выше статей, числились лишь регулярно публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения» сугубо информационные заметки с новостями по естественным наукам. Катков, наряду с А. А. Григорьевым, был первым, кто обратил внимание на разносторонне одаренного молодого человека, отмечая прежде всего философскую направленность его таланта. Об этом интересе Каткова мы знаем только из воспоминаний самого Страхова, так как само первое письмо московского публициста с приглашением печататься в «Русском вестнике» было, к сожалению, утрачено.

В черновом варианте ответного письма — одного из немногих дошедших до нас свидетельств их переписки с Катковым — Страхов сообщает: «Письмо от Вас очень обрадовало меня и оживило. <...> Вы считаете меня *мыслителем*»<sup>5</sup>. В то же время Страхов подчеркивает, что и в своих философских сочинениях он опирается на основательную естественнонаучную подготовку: «В какой бы малой степени ни обладал я этим свойством, у меня есть драгоценное пособие, которое спасет это свойство от незаконных, по крайней мере, слишком, больших уклонений в той сфере, которою я занимаюсь, то есть в философии природы. Это пособие в том, что я — натуралист.

<sup>3</sup> Страхов Н. Н. Воспоминания об А. А. Григорьеве // Григорьев А. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1930. С. 437.

<sup>4</sup> Григорьев А. Письма. М., 1999. С. 230–231.

<sup>5</sup> РО ИРЛИ. Ф. 287. Ед. хр. 49. Л. 3.



Аполлон Григорьев.  
Начало 1860-х гг.

В моих статьях нет ошибок против естествознания, ошибок, которые так портят иногда прекрасные философские исследования»<sup>6</sup>.

Тем не менее, здесь важно отметить, что, будучи естественником по образованию, Страхов проявил редкую самостоятельность мышления, не прикнув к преобладавшему тогда среди студенческой молодежи материалистическому поветрию. И именно идеализм в сочетании с неприятием политического радикализма, по всей видимости, в первую очередь привлекли к нему редактора «Русского вестника».

Статья Страхова «Об атомистической теории вещества», напечатанная в «Русском вестнике» в мае 1860 г., была направлена против материалистического учения о строении тел из неделимых атомов<sup>7</sup>. Это большое и самостоятельное исследование, осуждавшее грубый эмпиризм в науке, позже вошло в книгу «Мир как целое». Статья, опубликованная 32-летним Страховым в журнале Каткова, отличается блестящим и даже увлекательным погружением в историю науки и критикой ее постепенно растущего уклона к материализму, то есть сведению духовных явлений к вещественным. Virtuозное решение Страховым сложной естественнонаучной и одновременно философской

проблемы убедительно свидетельствует о том, что он мог стать и прекрасным ученым-натуралистом. В то же время статья демонстрирует и незаурядные аналитические способности автора, который доказывает чисто философским путем научную несостоятельность материалистической теории неделимости атомов и предвосхищает появившуюся позже теорию электронов.

Страхов изложил в очередном письме к Каткову целую программу статей по философии природы, надеясь реализовать ее в «Русском вестнике». Но этим планам не суждено было сбыться. Во-первых, с 1861 г. Страхов увлеченно сотрудничал в новом журнале братьев Достоевских «Время». А во-вторых, темы задуманных Страховым натурфилософских статей — о «механике животных», «теории внешних чувств» и «теории нервной системы», — как следует из его плана, всё еще относились в большей степени к естественным наукам, нежели к философии или культуре, и по своей отвлеченности и очень специальному характеру не вполне подходили для литературно-публицистического «Русского вестника».

Но Катков проницательно распознал в молодом эрудированном ученом-идеалисте с философскими наклонностями близкого по консервативным взглядам человека. Страхов также надеялся на сотрудничество в изданиях московского консервативного издателя и журналиста, видя в нем своего единомышленника. Неслучайно он с первого письма стал жаловаться Каткову на радикальные настроения, господствовавшие в петербургском культурном обществе, и на свое идейное одиночество: «Мне здесь не с кем спокойно поговорить о безобразии петербургского прогресса, которое, наконец, становится невыносимо. Мне кажется, с этим безобразием вы еще не вполне знакомы; вы не знаете, какие глубокие корни оно пустило и на каких основаниях оно держится. Предполагаете ли вы, например, что здесь творятся иногда такие

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Страхов Н. Об атомистической теории вещества // Русский вестник. 1860. Май. № 2. С. 143–194.

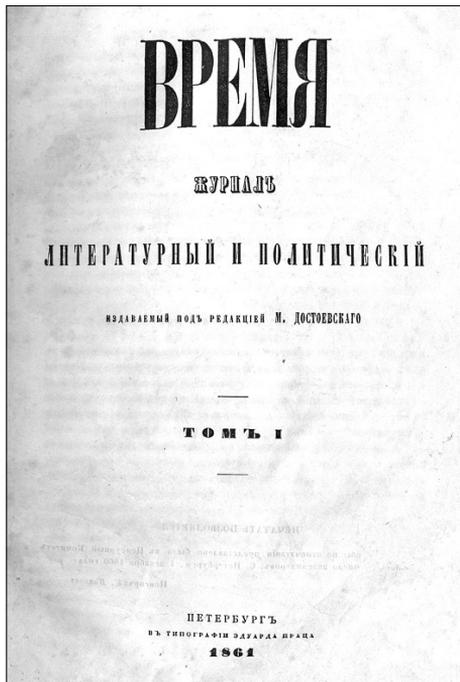
речи: „Русский Вестник“ вредный журнал! Он проповедует уважение к личности!»<sup>8</sup>

Страхов с осуждением писал о массовом увлечении петербургской молодежи революционными теориями, и эти его жалобы на радикальные настроения сверстников, вне сомнения, были рассчитаны на сочувственное восприятие Каткова: «Исповедание терроризма здесь приведено в правило, принимается вполне сознательно и столь же сознательно приводится в исполнение»<sup>9</sup>. Но это не было нарочитое приспособление к взглядам влиятельного публициста и редактора: Страхов неоднократно характеризовал время своей молодости в том же духе.

И Катков, и Григорьев, с которым Страхов вместе пришел в журнал Достоевских, правильно определили основное предназначение молодого таланта, сразу разглядев в Страхове не ученого, а прежде всего *мыслителя* консервативной ориентации. Именно в этом направлении стремительно раскрывался талант молодого философа в журнале «Время». Более того, Страхов, поощряемый Достоевским и Григорьевым, со всей силой развернулся во «Времени» и как публицист, и как литературный критик. Уже вскоре после начала выпуска «Времени» в 1861 г.

Страхов, начиная со статьи «Нечто о петербургской литературе», стал одним из главных выразителей как литературно-критических, так и публицистических позиций журнала Достоевских. Именно в полемических статьях на злобу дня этого молодого сотрудника, смело вступившего в споры с главными «акулами» господствовавшей в печати радикальной оппозиции, с особой яркостью раскрылась антинигилистическая направленность журнала. Аполлон Григорьев писал преимущественно глубокие статьи на литературно-философские темы, ставшие обоснованием «почвенничества», и в повседневной полемике принимал участие мало. К тому же по разным причинам он иногда вообще надолго исчезал из журнала. И тогда писать полемические статьи было предложено Страхову, с чем он справился довольно успешно. На первый взгляд, это весьма удивительно, но если учесть, что в студенческие годы Страхов увлеченно занимался литературой и даже посылал свои произведения в журналы, то станет ясно, что он обладал достаточными навыками и эрудицией для написания таких журнальных статей. Не будет преувеличением сказать, что Страхов, вызвав на себя огонь радикальных литературных сил своими полемическими статьями, стал одной из основных целей их сокружительных критических ударов. Доминировавшие в общественном мнении «прогрессисты» быстро составили ему репутацию одиозного реакционера и обскуранта, которая сопровождала его всю жизнь.

Что же касается Ф. М. Достоевского, который определял редакционную политику «Времени», то на ранней стадии, при создании «Времени», он был настроен гораздо более либерально, чем Григорьев или Страхов. Выходец из демократических кругов, недавно вернувшийся из ссылки Достоевский тогда еще не был вполне знаком со славянофильством, в то время как его коллеги по «почвенническому» направлению



Титульный лист первого номера журнала «Время» (январь 1861 г.)

<sup>8</sup> РО ИРЛИ. Ф. 287. Ед. хр. 49. Л. 1.

<sup>9</sup> Там же.

разделяли многие идеи славянофилов, хотя и не принимали их теоретического догматизма, аристократизма и несколько пренебрежительного отношения к эстетике. Редакция «Времени» тогда прежде всего была озабочена продвижением собственной издательской позиции и стремилась противопоставить себя всем соперничающим литературным направлениям — от радикальных «Дела» и «Русского слова» до либерального «Современника», и от славянофильского «Дня» до консервативного «Русского вестника». При этом братья Достоевские, в отличие от Григорьева и Страхова, были в то время более настроены на компромисс с влиятельными западническими изданиями типа «Современника». В высказываниях Страхова и особенно Григорьева звучало глухое недовольство компромиссной политикой Достоевских, которые стремились прежде всего к обретению журналом заметного места в литературном процессе и поначалу старались не ссориться с влиятельными оппозиционными изданиями. Но компромиссность политики приводила к двойственности, а для успеха необходимо было ее преодолеть — в ту или иную сторону. Так, Григорьев писал Страхову о сложившейся ситуации 12 декабря 1861 г.: «„Времени“, чтобы быть самостоятельным, нужно или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевского, или 2) быть последовательным в своей вере в поэзию и жизнь, в идею народности вообще (в противоположность абстрактному человечеству), — воспользоваться ошибками славянофильства, как всякой теории, и встать на его место»<sup>10</sup>. В своих воспоминаниях о Достоевском и о Григорьеве Страхов в свойственной ему манере несколько смягчил идейные разногласия, существовавшие в редакции «Времени». И тем не менее он не обошел их стороной, так как недовольство «заигрыванием» с либералами открыто звучало в письмах к нему Григорьева. Стремясь к компромиссу с западниками, Достоевский одновременно начал полемику с Катковым. Катков, которому не хотелось ссориться с «Временем», был вынужден принять участие в литературных спорах. Резко критиковал Достоевский и славянофильский «День».

В то же время разногласия «Времени» со славянофильским «Днем» И. С. Аксакова и с «Русским вестником» Каткова не носили глубокого характера. Взгляды Достоевского, который раньше не знал славянофильства, под воздействием Григорьева и Страхова быстро менялись. Правда, окончательно оценил славянофильство он уже после закрытия «Времени». А через несколько лет он был уже гораздо более консервативен, чем Страхов и подвергался ожесточенным нападкам идейных противников. Чего стоит, например, одна знаменитая фраза из письма А. А. Майкова к Страхову от 20 января 1873 г., когда Достоевский принял на себя обязанности редактора «Гражданина»: «...вас поджидает Федор Михайлович Достоевский, на которого теперь залая вся свора прогресса»<sup>11</sup>.

Нельзя забывать, что «Время» выходило в Петербурге, где в журналистике царил особый, западнический дух, а «Русский вестник», при всех остатках западничества во взглядах Каткова, выходил в Москве. Страхов заклеил пошлую столичную духовную атмосферу в статьях «Нечто о петербургской литературе» и «Еще о петербургской литературе». Критик отмечал позже, что и Достоевские, и Григорьев были москвичами по рождению, а сам он приехал в Петербург в 16 лет, и дух петербургской литературы, отдававшей нигилизмом и вульгарностью «брамбеусовщины», был им совершенно чужд. В то же время, живя и работая в Петербурге, они невольно привносили некоторые местные черты в свои литературные традиции.

Достоевский обострил отношения «Времени» с «Русским вестником», вступив с ним в открытую полемику (статьи «„Свисток“ и „Русский вестник“», «Ответ „Русскому вестнику“», «Литературная истерика» и др.). А Страхов полагал, что нужно сосредоточиться на полемике с радикальной оппозицией, — недаром он писал Каткову в дошедшем до нас черновике письма, относящегося к 1861 г., что не поддерживал обострения отношений с «Русским вестником»: «Считаю нужным объясниться с вами

<sup>10</sup> Григорьев А. Письма... С. 266.

<sup>11</sup> ОР РНБ. Ф. Ед. хр. Л. 9.

по поводу „Времени“. Я всегда ратовал против полемических выходов против вас. Но — не было никакой возможности что-нибудь сделать»<sup>12</sup>. Два года спустя, в письме к И. С. Аксакову, упрекавшему «Время» в чрезмерной критике славянофильства, Страхов писал даже в свое оправдание, что не был в журнале распорядителем и «составлял некоторую оппозицию главной редакции»<sup>13</sup>. В воспоминаниях о Достоевском Страхов упоминает о тех компромиссных редакционных поправках, которые Достоевский, пусть и стремительно расстававшийся с остатками либеральных настроений, вносил, смягчая критику, в его острые полемические статьи.

Это показывает, что, при всей дружеской атмосфере, царившей во «Времени», Страхов был в то время настроен более консервативно, чем Достоевский, пусть и стремительно расстававшийся с остатками либеральных настроений. Так что Страхов мог бы вполне продолжить сотрудничество с журналом Каткова, если бы наладились его отношения со своевластным редактором «Русского вестника». Надо отметить, что Григорьев был настроен примерно так же, как Страхов, если не более антилиберально. Он не одобрял попыток Достоевских занять компромиссную позицию с «Современником» и в то же время вступать в полемику с Катковым и критиковать славянофильские издания («Последние литературные явления. Газета „День“, «Два лагеря теоретиков»).

Таким образом, можно предположить, что если бы Катков проявил тогда инициативу по привлечению Страхова, молодой критик-философ мог бы оказаться в «Русском вестнике». Недаром летом 1862 г. Достоевский писал из Парижа Страхову, который отправился в Москву: «Вы пишете, дорогой Николай Николаевич, что хотите съездить предварительно в Москву. Чтob не опутали Вас там сенаторы журналистики! Чего доброго, Катков соблазнит Вас какой-нибудь разлинованной по безбрежному отвлеченному полю доктриной...»<sup>14</sup> Достоевский придал своим словам шутливую форму, но опасения утраты ценного сотрудника, видимо, у него имелись.

Для Каткова, придерживавшегося государственнической монархической позиции, умеренно-консервативный журнал «Время» был, естественно, более близким, чем оппозиционные издания, но полемика с «Русским вестником», к которой тогда был расположен Достоевский, вынужденно настраивала и его на полемический лад. К тому же, став в 1863 г. и издателем «Московских ведомостей», Катков окончательно вступил на имперский охранительный путь, поведя беспощадную войну против польского восстания и поддерживавших его политических смутьянов внутри России.

Тем временем сам Достоевский, вышедший из либерально-демократического лагеря, стремительно менялся. Как утверждает Л. Гроссман, вопреки тому, что пишут некоторые современные «достоевсковеды», писатель многому тогда научился у Григорьева и Страхова: «Редактируя свои журналы, Достоевский сблизился с двумя мыслителями, оказавшими решительное влияние на развитие его философских воззрений. Замечательнейший русский критик Аполлон Григорьев и его ближайший ученик и продолжатель Н. Н. Страхов во многом сформировали воззрения Достоевского в последнюю эпоху его творчества <...>. В деле окончательной формации своих философских воззрений Достоевский многим обязан Страхову. Это был один из главных путеводителей романиста по лабиринту современных эстетических проблем; он, несомненно, сообщил Достоевскому основные формулы для его философии творчества. Достоевский — критик и теоретик искусства в последнее двадцатилетие своей жизни — является безусловным учеником Аполлона Григорьева и Страхова»<sup>15</sup>.

Достоевский не был еще вполне знаком со славянофильством, и почвенничество формировалось в значительной мере как направление, уравновешивающее крайности славянофильства и западничества, хотя по своей приверженности народным началам почвенники были несравненно ближе к славянофильству и в своей программе

<sup>12</sup> РО ИРЛИ. Ф. 287. Ед. хр. 49. Л. 3.

<sup>13</sup> И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка... С. 20.

<sup>14</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985. С. 26.

<sup>15</sup> Гроссман Л. Путь Достоевского. Л.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 280, 282.

использовали многие его тезисы. Славянофильство Достоевский практически открыл для себя уже после «Времени». 8 сентября 1863 г. он писал брату из Турина: «Страхову кланяйся особенно, <...> скажи Страху, что я с прилежанием славянофилов читаю и кое-что вычитал новое»<sup>16</sup>. А в журнале «Время» он еще активно и довольно резко полемизировал со славянофильским «Днем» как с одним из «конкурентов», показывая, будто западничество и славянофильство принадлежали прошлому, а настоящее принадлежит их журналу.

По этой причине и редактор славянофильского «Дня» И. С. Аксаков, точно так же, как Катков, не считал «Время» своим союзником. Его отталкивало то, что в целях самоутверждения «Время» отрицало всякую свою зависимость от ранних славянофилов. Таким образом, «Время» незаметно для себя оказалось в своего рода литературной изоляции. Сама же редакция считала, что самостоятельная патриотическая программа «Времени» заявлена ясно и не вызывает сомнений, хотя многим в обществе она казалась туманной и невнятной.

Страхов в воспоминаниях о Достоевском отмечал, что 1863 г. был годом перелома в общественном сознании. Простодушная публика первый раз отшатнулась от «прогрессистов», поняв, куда ведет эта партия подстрекателей-бунтарей. Важную, если не ведущую роль в этом повороте общества к патриотизму сыграли издания Каткова, в которых ощущение опасности для страны, связанное с польским мятежом, с подстрекательской деятельностью Герцена, с политическими покушениями, с появлением призывавшей к бунту прокламации, передавалось с огромным воодушевлением и во многом способствовало стремительному росту патриотических настроений. Страхов писал о 1863 г.: «Герцен совершенно упал; „Московские ведомости“, начавшие выходить 1-го января под нынешнею редакциею, скоро заявили то патриотическое и руководительное направление, которое так блистательно развивают до сих пор; словом, после величайшего прогрессивного опьянения наступило резкое отрезвление и какая-то растерянность. По всей России в первый раз в то царствование заговорил тот патриотизм, которым так бесконечно сильна наша земля»<sup>17</sup>.

Однако на судьбе журнала «Время» этот всплеск патриотических настроений, возбуждаемый и поощряемый с 1863 г. редакцией «Московских ведомостей», сказался самым роковым образом, и не кто иной, как сам Страхов, стал виновником бед журнала.

\* \* \*

В эту грозную пору сотрудники журнала Достоевских не сомневались в патриотическом настрое собственного издания и больше беспокоились о содержательности и художественной стороне печатаемых ими статей, нежели об их благонамеренности. Но программа журнала была довольно размытой, и далеко не все считали «Время» патриотическим изданием. Катков, например, был явно недоволен журналом Достоевских за инициированную Ф. М. Достоевским полемику с ним и за попытки компромисса с либеральным «Современником». Да и сама «почвенническая» программа «Времени», не слишком сильно отличавшаяся от взглядов первых славянофилов, вызывала его недовольство. Имелись, между прочим, нарекания к журналу «почвенников» и со стороны властей.

В апрельском номере «Времени» за 1863 г. появилась статья Страхова, подписанная «Русский». Если Катков как публицист-государственник в своих изданиях прямо призывал к преодолению грозной польской опасности, то Страху по обыкновению захотелось поднять более тонкую религиозно-философскую тему потенциального превосходства русской цивилизации перед польской, заимствованной у Запада.

<sup>16</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч... Т. 28. Кн. 2. С. 46.

<sup>17</sup> Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. С. 470.

Чтобы ярче оттенить внутреннее превосходство русской идеи, он решил для контраста сначала показать, что у поляков, давно построивших свою жизнь на основах европейской культуры, есть некоторые причины для того, чтобы ощущать свое цивилизационное превосходство перед русскими. Как это бывало у Страхова, он увлекся, говоря о второстепенном, и посвятил основную часть своей статьи разговору о достоинствах польской культуры, а вывод о том, что русская православная цивилизация имеет бесспорное преимущество перед западными началами, последовал лишь в самом ее конце и был сделан не очень внятно. Страхов вместе с редактором Достоевским, которому статья понравилась, совершенно не учли грозную, по сути дела, военную атмосферу того времени.

Статья «Роковой вопрос», появившись в печати в мае 1863 г. возбудила широкое недовольство патриотически настроенной общественности. В ней увидели, не поняв ее сути, попытку оправдания польских претензий на русские земли. Возмущение росло, хотя далеко не все прочитали большую, сложную статью внимательно и до конца, а некоторые из негодовавших в связи с подозрениями в предательстве не читали ее вовсе, так как журнал у книгопродавцев был вскоре изъят. Неудивительно, что на волне гневного общественного возбуждения в настороженно относившихся к идейной позиции «Времени» катковских изданиях подхватили мнение, будто статья является скрытой пропагандой польского восстания. В том, что статья была подписана не именем автора, а псевдонимом «Русский», тоже увидели дерзкий вызов и злую иронию.

22 мая гневной обличительной заметкой против «антипатриотической» статьи Страхова разразился некий Карл Петерсон в катковской газете «Московские ведомости»<sup>18</sup>. Малозначительный поэт, публицист и критик Карл Александрович Петерсон (1811–1890), помимо получившего распространение стихотворения «Сиротка», собственно, и вошел в литературу лишь этой своей обличительной заметкой. Воспринимая содержание статьи крайне поверхностно, отчасти даже превратно, Петерсон обвинял автора, скрывшегося под псевдонимом «Русский», в предательстве русских национальных интересов во время подавления правительственными войсками польского мятежа. Редакцию журнала «Время» Петерсон обвинял в том, что она обошлась без примечания о согласии или несогласии с анонимным автором. Имя автора, утверждал Петерсон, «если бы оно было известно, произносилось бы с презрением каждым истинно Русским»<sup>19</sup>. Объективно заметка Петерсона, в которой автор статьи «Роковой вопрос», подписавшийся псевдонимом «Русский», был грубо назван «бандитом в маске» и обвинялся в предательстве национальных интересов, сыграла роль политического доноса. В правительственных кругах этот громкий сигнал «Московских ведомостей» послужил основным поводом к превратному истолкованию статьи «Роковой вопрос» как «антиправительственной».

Конечно, такого рода резкая заметка не могла появиться в газете без согласия редактора. Катков был весьма раздосадован на «Время» за те полемические выпады, которые инициировал в журнале Достоевский. К тому же он уже крепко стоял на стороне «государственной осторожности» и, как горячий и деятельный политик, весь жил настоящим, а туманные мечтания почвенников о духовном будущем России, о «народных началах», которые могли и не реализоваться, выводили его из себя. Но ему и в голову не могло прийти, что автором сомнительной статьи был хорошо ему знакомый Страхов. Можно допустить, что Катков сам целиком статью ввиду чрезвычайной занятости и не прочел — говорили, будто он умел буквально на ходу составить мнение редакции лишь по небольшому отрывку материала, подобранному для него помощниками.

«Ультрапатриотическая» заметка Петерсона была, конечно, очень поверхностной и истолковывала статью однобоко. Но следует признать, что статья «Роковой вопрос»,

<sup>18</sup> Петерсон К. По поводу статьи: «Роковой вопрос» в журнале «Время» // Московские ведомости. 1863. 22 мая. № 109. С. 3.

<sup>19</sup> Там же.

пришедшаяся на период подавления польского восстания, была построена весьма неудачно, особенно для этого грозного времени. Основная ее часть была посвящена рассуждению о *внешних* преимуществах польской цивилизации над русской, а до вывода в конце, что русская православная культура по своим *внутренним* затратам превосходит внешне блестящую европейскую, усвоенную Польшей, многие из возмущенных читателей могли и не добраться. К тому же из статьи выходило, что польская культура уже была в наличии, а «русские духовные силы», к раскрытию которых не очень внятно призывал в конце статьи Страхов, существовала лишь в зародыше. Автор, стремившийся своей статьей разбудить самобытную созидательную энергию русского народа, явно «перетончил». Известно, что редакция предполагала поместить в дальнейшем вторую статью, в которой ее положительная программа по польскому вопросу была бы развернута с полной силой, но дальше «Рокового вопроса» дело так и не пошло, поскольку журнал вызвал на себя правительственные гонения. Последствия были поистине катастрофические.

Уже через два дня после появления заметки Петерсона, 24 мая 1863 г., и доклада министра внутренних дел П. А. Валуева царю последовало «высочайшее распоряжение» о прекращении журнала «Время». Официальное распоряжение о закрытии журнала за помещение статьи «Роковой вопрос», «направленной прямо наперекор всем патриотическим чувствам и заявлениям...», было опубликовано в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» 1 июня 1863 г. (№ 119). Страхов пытался подать заявление на высочайшее имя, обращался к различным влиятельным лицам, хотел разъяснить свою неверно понятую позицию через прессу, но всё усилия были тщетны — никакой возможности объясниться он так и не получил.

Не был пропущен цензурой и резкий ответ Петерсону, написанный от лица редакции «Времени» Ф. М. Достоевским и направленный в «Санкт-Петербургские ведомости». Достоевский, в отличие от Страхова, не пытался оправдываться, а прямо заявлял, что непонимание статьи «Роковой вопрос» произошло из-за неверия автора заметки Петерсона в собственные русские силы и даже благоговение перед польской цивилизацией: «Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени и, во имя вашего англизированного патриотизма, обижаетесь, что поляки нас образованнее в европейском смысле, иными словами, что русские упорно хотят оставаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов»<sup>20</sup>. Тут, конечно, содержится прямой намек на англофильство самого Каткова, и далее Достоевский переходит к заочной полемике с редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника»: «Разве вы сами не судите о русских точно так же, как о нас судит Европа? Мы еще два года назад укоряли „Русский вестник“, что он русской народности не признает. Теперь московский теймс горячится и не замечает, что вся эта горячка есть пародия на английский теймс, и что самый патриотизм его — англизированный патриотизм. Как хотите, а мы отличаем патриотизм и, главное, руссизм (так. — В. Ф.) „Московских ведомостей“ от высокого и искреннего патриотизма Москвы. <...> Тот патриотизм, который в самостоятельность русского развития не верит, может быть искренний, но во всяком случае смешной патриотизм»<sup>21</sup>.

В письме к И. С. Тургеневу от 17 июня 1863 г. Достоевский уже более спокойно изложил суть вопроса: «Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное. Ну, стали бы мы стоять за поляков! Несмотря на то, нас обвинили в антипатриотических убеждениях, в сочувствии к полякам и запретили журнал за статью в высшей степени, по нашему, патриотическую. Правда, что в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые в итоге подали повод ошибочно перетолковать ее. Эти недомолвки, как мы сами видим теперь, были действительно весьма серьезные, и мы сами виноваты в этом.

<sup>20</sup> Достоевский Ф. М. Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских Ведомостей» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. С. 99.

<sup>21</sup> Там же. С. 100.

Но мы надеялись на прежнее и известное в литературе направление нашего журнала, так что думали, что статью поймут в недомолвок не примут в превратном смысле, — в этом и была наша ошибка. Мысль статьи (писал ее Страхов) была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время не предвидится. Но так как изложения статьи не поняли, то и растолковали ее так: что мы сами, от себя уверяем будто поляки до того выше нас цивилизацией, а мы ниже их, что, естественно, они правы, а мы виноваты. Некоторые журналы („День“, между прочим) серьезно стали нам доказывать, что польская цивилизация только поверхностная, аристократическая и иезуитская и след<овательно>. вовсе не выше нашей. И представьте себе: доказывают это нам, а мы это самое и имели в виду в нашей статье; мало того: доказывают тогда, когда у нас буквально сказано, что эта польская хваленая цивилизация носила и носит смерть в своем сердце. Это было сказано в нашей статье буквально. Замечательный факт, что очень многие из частных лиц, восставших на нас ужасно, по собственному признанию своему, не читали нашей статьи. Но довольно об этом; дело прошлое, не воротись»<sup>22</sup>.

Можно было бы говорить о превратном толковании смысла страховской статьи Петерсоном, если бы через неделю после нее, 1 июня, в день запрещения журнала, не выступил с протестующей заметкой о злополучной статье Страхова еще и имевший безупречную репутацию патриота и благородного человека редактор газеты «День» И. С. Аксаков<sup>23</sup>. Аксаков не знал об уже состоявшемся правительственном распоряжении закрыть вредоносный журнал: объявление о закрытии журнала «Время» появилось в газете 1 июня, одновременно с публикацией заметки Аксакова.

Аксаков был больше всего возмущен тем, что в статье «Роковой вопрос» порочилась, как ему представлялось, память И. В. Киреевского, которого путем сокращения цитаты из его сочинения «Обозрение современного состояния литературы» анонимный автор выставил чуть ли не апологетом польской культуры. Напечатав мнение Киреевского целиком, Аксаков показал, что от сокращения высказывания философа смысл совершенно изменился. Позже, из переписки Аксакова со Страховым, выяснилось, что не нравились Аксакову и такие статьи «Времени», как «Два лагеря теоретиков», в которой автор (Достоевский) упрекал славянофилов, в свете учения Григорьева, в излишнем теоретизме. И особенно возмущало Аксакова то, что «почвенники» из тактических целей отрицали какое-либо влияние на них славянофилов, хотя оно было очевидным. И. С. Аксаков выражал, например, недовольство тем, что «Время» «имело бесстыдство напечатать в программе, что первое в русской литературе провозгласило и открыло существование русской народности!»<sup>24</sup>

Аксаков, ратовавший за свободу печати и, естественно, не подозревавший о возможности запретительных мер против «Времени», рассчитывал посредством своей заметки способствовать развитию полемики со «Временем» с целью прояснения взаимных позиций. Закрытие журнала Аксаков назвал «в высшей степени возмутительным поступком, если бы оно не было в то же время глупым»<sup>25</sup>. Он употребил все старания, чтобы поместить письмо Страхова в газете «День», но из-за строжайшего цензурного запрета ему это не удалось.

Закрытие журнала стало реальной катастрофой: финансовый крах для издателей журнала «Время», только набравшего солидную подписку, ударом для Достоевского, с которого еще не был снят полицейский надзор, и, конечно, творческой драмой для Страхова, статьи которого за его собственной подписью цензоры долго потом боялись пропускать в печатные издания. А первое время после запрета журнала он вообще был готов к ссылке в Сибирь.

<sup>22</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Ч. 2. Л.: Наука, 1985. С. 34.

<sup>23</sup> Ред. [Аксаков И. С.]. Заметка по поводу статьи в журнале «Время» (в 4 книге) «Роковой вопрос» // День. 1863. 1 июня. № 22. С. 1–2.

<sup>24</sup> И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка... С. 23.

<sup>25</sup> Там же. С. 14.

Взявший на себя вину за статью председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цез был отставлен от должности, хотя она была прежде пропущена цензором и известным своей строгостью членом цензурного комитета генерал-майором Л. Л. Штурмером, который отметил только, что автор «говорит нерешительно и только о надеждах на будущее развитие русского народа»<sup>26</sup>.

Но статья «Роковой вопрос» действительно давала повод к неверному ее истолкованию. Сам Страхов был вынужден это признать: если уж статьей «сам Аксаков был на минуту введен в заблуждение»<sup>27</sup>, то она, конечно, на самом деле была неудачной.

Царившее тогда в обществе негодование выразил А. В. Никитенко, который писал о «Роковом вопросе» как о статье «самого непозволительного свойства»: «В ней поляки восхвалены, названы народом цивилизованным, а русские разруганы и названы варварами. Статья эта — не только противна национальному нашему чувству, но и состоит из лжей. Публика изумлена появлением ее в печати»<sup>28</sup>.

Тем не менее, Никитенко так отреагировал на закрытие журнала: «Журнал „Время“ запрещен. Огромная ошибка правительства, то есть министра внутренних дел»<sup>29</sup>. Никитенко, как и Катков с Аксаковым, пытался помочь Страхову опубликовать свои объяснения, но все его усилия не увенчались успехом.

Хозяйка литературного салона, поклонница «Современника» Е. А. Штакеншнейдер, хорошо знавшая Достоевского и Страхова, писала в «Дневнике»: «Полонский в отчаянии, да и кто не в отчаянии. Страхов больше всех: Достоевские жили журналом, цензор Цез потерял место»<sup>30</sup>. По ее мнению, подобная история могла произойти лишь со Страховым и с журналом Достоевских: «Только с Страховым, только с „Временем“ могло случиться подобное обстоятельство, с этим бледным, не высказанным журналом, добродушным и туповатым». Статью Штакеншнейдер, по собственному признанию, не дочитала: «...не то, что читала, но заглянула в нее, прочла страницы две, потом она мне показалась такой чудью, что я ее бранила, не разрезав остальных листов». Однако это не помешало ей сделать вывод: «Хуже всего то, что статья не только написана в духе, противном правительству, но, что хуже всего, в духе, противном общественному мнению. В Москве всполошились, вступились за русскую честь, а Страхов под статьей подписался „Русский“»<sup>31</sup>.

22 июня Страхов послал в редакцию «Дня» объяснительное письмо о статье. Он просил редакцию его напечатать, но это было категорически запрещено. После ответа Аксакова у них завязалась живая переписка, в результате которой были сняты многие взаимные обиды и претензии.

Нельзя не отметить одну немаловажную деталь, раскрытую при этом горячем выяснении отношений почвенников и славянофилов. Аксаков писал Страхову: «Ошибка капитальная журнала „Времени“ всегда была та, что он думал ухватить субстанцию русской народности вне религии, вне Православия, толковал о почве, не разумея свойств почвы. Историю же цивилизации нельзя понять, устранив от нее действие просветительных духовных начал»<sup>32</sup>.

«Время» действительно делало упор на народные начала, на верность почве, воздерживалось от религиозной тематики. Но любопытно, как Страхов объяснял это в своем ответе: «Вы указываете на *религию* и, конечно, указываете весьма метко. Но помилуйте, как же заговорить о религии? Страшно, просто страшно. Заклюют. Потому журнал до поры до времени молчал об этом предмете, но никак не отказывался от мысли заговорить о нем»<sup>33</sup>. Страхов отмечал также, что и сами

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же. С. 16.

<sup>28</sup> Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 2. 1858–1865. ГИХЛ, 1955. С. 335.

<sup>29</sup> Там же. С. 336.

<sup>30</sup> Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л: Academia., 1934. С. 332.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка... С. 15.

<sup>33</sup> Там же. С. 20.

славянофилы касаются религии лишь внешним образом, а собственно богословских статей у них нет.

Даже «всемогущему», по общему мнению, Каткову, которому Страхов 26 мая тоже послал письмо в редакцию «Московских ведомостей», разъясняющее ситуацию со статьей и мотивы ее написания, также не удалось опубликовать его в газете. Страхов писал Каткову: «Автор статьи — я. Я не только не думал и не думаю скрывать своего имени, но подписался „Русский“ именно вследствие смелой уверенности, что мои мысли разделит со мной каждый русский, исполненный истинного патриотизма. Мне дорог мой патриотизм, как дороги каждому святые чувства его души, и потому я был глубоко возмущен перетолкованиями и подозрениями г. Петерсона. <...> Может быть, я легко бы удовлетворил г. Петерсона и многих других читателей, если бы ограничился легкою работою — без дальних соображений осуждать поляков и хвалить русских. Но я думал иначе. Я полагал, что не всякое патриотическое чувство удовлетворяется похвальными похвалами и восклицаниями, что найдутся люди, которые потребуют прочных и глубоких основ для своего патриотического чувства, и потому старался глубже вникнуть в вопрос»<sup>34</sup>.

Страхов подчеркнул далее отличие почвеннического идеала от чисто внешнего, риторического государственного патриотизма: «Обратно, я старался показать, что гордясь собою, мы, русские, если хотим делать это основательно, должны простирать эту гордость глубже, чем это обыкновенно делается, т. е. не останавливаться в своем патриотизме на обширности и крепости государства, а обратить свое благоговение на русские народные начала, на глубокие духовные силы русского народа, от которых без сомнения зависит и его государственная сила»<sup>35</sup>. Страхов выразил в конце мысль, в которой можно было увидеть намек на проповедь народной самобытности и несогласие с «европеизмом» самого Каткова: «Если я погрешил, то, если возможно, погрешил избытком патриотизма <...> я пожелал для России *слишком многого*, что я выразил нетерпеливое ожидание *нравственной победы* России над Европой!»<sup>36</sup>

18 июня Катков писал в ответном письме: «Меня как громом поразило известие, что статья „Роковой вопрос“ писана вами... <...> Я решительно не понимаю, как могли вы написать и напечатать такую статью в настоящее время. Почему же не высказали вы прямо и ясно тех мыслей, которые излагаете в этом объяснительном письме? Почему в статье ограничились какими-то смутными и двусмысленными намеками? По моему мнению, ваша точка зрения была бы неверна и в том случае, если бы вы и с полной ясностью высказали в статье эти мысли; но тогда, по крайней мере, не возникло бы сомнение о направлении статьи и о побуждениях, руководивших ее автором. Все то немногое, что сказано вами в пользу каких-то смутно предчувствуемых начал русской народности, так странно сказано, что всеми очень естественно принято было за иронию, которая еще оскорбительнее, чем резкость и грубость»<sup>37</sup>.

Со временем, однако, и сам министр внутренних дел Валуев понял всю ошибочность запрещения совсем не оппозиционного журнала. Каткову было разрешено опубликовать в журнале «Русский вестник» объясняющую ситуацию статью о «Роковом вопросе». А некоторое время спустя Достоевские получили разрешение на возобновление журнала, но под другим названием<sup>38</sup>.

Нет сомнения, что своя правда была и у критиков статьи Страхова, и у защищающих ее глубокий, но превратно понятый замысел почвенников. Однако даже симпатизировавший Страхову Розанов в 1890 г., по прочтении второго тома «Борьбы с Западом» со статьей «Роковой вопрос», писал ему: «Как хотите, но „Роковой вопрос“

<sup>34</sup> Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. Изд. 2-е. СПб., 1890. С. 129–130.

<sup>35</sup> Там же. С. 130.

<sup>36</sup> Там же. С. 133.

<sup>37</sup> Там же. С. 134.

<sup>38</sup> Подробнее см.: Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения (председатель СПб. цензурного комитета В. А. Цез) // Исторический вестник. 1911. Т. 125. С. 983–987.

и невозможно было понять иначе, чем понял Катков: главная его мысль, о возможности новой культуры, нежели европейская; и о праве во имя ее бороться с высоко представительною европейской культуры, Польшею — только сквозит, только бледно мерцает сквозь очень определенные, почти резкие слова о высоте вообще польского образования в сравнении с русским»<sup>39</sup>.

Впрочем, позже Розанов, с характерной для него переменчивостью мнений, оценивал этот конфликт иначе, считая, что чрезмерная бдительность Каткова привела лишь к очередной победе разрушительных сил: «Он (Катков. — В. Ф.) вовсе не понял статью Страхова „Роковой вопрос“, а буря, им поднятая из-за непонятой статьи и поведшая к закрытию единственного культурно-славянофильского журнала „Время“, произвела непоправимый „провал“ в журналистике, которого не мог заменить его деловой и сухой „Русск<ий> Вестник“»<sup>40</sup>.

Появление статьи Петерсона в «Московских ведомостях» нельзя признать случайным — Катков, став редактором «Московских ведомостей» в 1863 г., повел энергичную борьбу против польского восстания. Издатель газеты смело обличал власти в нерешительности и требовал немедленного подавления мятежа. Если уж Катков осмелился заподозрить в измене даже брата царя, польского наместника вел. кн. Константина Николаевича, то возбудившее негодование читателей выступление с оправданием притязаний поляков и их недовольства какого-то анонимного «Русского» в журнале «Время» не могло не вызвать энергичного протеста горячего публициста. Грозное время требовало, по мнению Каткова, решительных политических и военных мер, а не утонченных философских статей.

Следует отметить, что страховское название «Роковой вопрос» явно восходит к статье Каткова «Польский вопрос», в которой он рассматривал русско-польские отношения как непримиримую борьбу двух народностей: «Вопрос о Польше был всегда и вопросом о России. Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства были не просто соперниками, но врагами <...>. Нет, борьба наша с Польшей не есть борьба за политические начала, это борьба двух народностей, и уступить польскому патриотизму в его притязаниях — значит подписать смертный приговор русскому народу»<sup>41</sup>. К тому же Катков посвятил часть статьи тому факту, что на стороне поляков выступает не только вся Европа, но и радикальная часть русских «прогрессистов», выпустившая прокламацию в защиту Польши. Это, по мнению Каткова, было прямой изменой и придавало борьбе с польским мятежом еще более острый характер. Складывалось впечатление, будто статья во «Времени» скрывшегося за псевдонимом автора оспаривала выводы Каткова о непримиримости противостояния с поляками. На самом деле позиции катковских изданий и «Времени» не были враждебными друг другу, но их подходы к польской теме оказались совершенно различными.

Катков как страстная натура был, без сомнения, искренне «поражен громом», узнав по получении объяснительного письма от Страхова, что под псевдонимом «Русский» скрывался не коварный злодей, тайно потворствующий полякам, а хорошо ему знакомый критик и публицист пусть и умеренно-консервативной, но вполне патриотической направленности. Катков, негодование которого не бывало напускным, признав свою ошибку, с той же энергией принялся спасать журнал. Но было уже поздно. Даже его попытки восстановить журнал или хотя бы напечатать письмо Страхова с объяснениями причин появления «Рокового вопроса» оказались тщетными. Единственное, что удалось Каткову, это провести в майском номере «Русского вестника» свою большую статью (без подписи), разъясняющую ситуацию с закрытием «Времени».

Оправдывая журнал, Катков признавал, что редакция «Времени» не имела в виду никаких антиправительственных целей и случившееся было лишь недоразумением.

<sup>39</sup> Розанов В. В. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 237.

<sup>40</sup> Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 468.

<sup>41</sup> Катков М. Н. Отзывы и заметки. Польский вопрос // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Власть и террор. СПб., 2011. С. 19, 23.

Однако из статьи следовало, что инициатива публикации гневной заметки «Московских ведомостей» исходила от издателя газеты Каткова, который и сам в значительной мере разделял возмущение Петерсона (майский номер «Русского вестника» вышел из-за разбирательства с задержкой, к концу июня). Катков снял обвинения и со Страхова, заявив о том, что ему известен образ мыслей данного автора, который, по его личному убеждению, вовсе не способен «к каким-нибудь изменническим замыслам». Одобрительно отозвался он о Страхове и как о «противнике того пошлого материализма с задорными ухватками, который распространился было в нашей литературе»<sup>42</sup>.

Однако основная часть статьи «Русского вестника» была посвящена резкой критике тех оснований, на которых была построена статья «Роковой вопрос» и, говоря шире, зиждилась философия почвенничества как направления. Катков, не без свойственной ему прямолинейности, подвергает ироническому осуждению «хлопоты о разных выпренных предметах», гегелевскую философию, «давно умершую, похороненную и всеми забытую», «особого рода славянофильство, состоящее в искании каких-то народных начал, ни на что не похожих, нигде не существующих, но долженствующих откуда-то прилететь», «трансцендентальную напряженность» модных толков о коренных началах, которые «уносят мысль в туман и пустоту», «пророчествующих народолюбцев», «гашиш, которым они себе дурманят», одновременно проповедуя отрезвление и обращение к тому, что непосредственно нас окружает. Вместо поисков национальной самобытности, в которых Каткову видится «пустота мысли», предлагается «практическое уважение к существующему», «отрезвиться и быть проще и естественнее», стать «дельным человеком — не выходить из круга ясных понятий», «не переделывать нашу цивилизацию сызнова», а дорожить ею, пусть и заимствованной. Мысли эти, выраженные энергично и недвусмысленно, не могли не вызвать у Страхова чувства если не оскорбления, то недоумения: столь странная для России проповедь деловитости, практицизма сочетается здесь с отрицанием философии, национальной самобытности, мечты и отвлеченной мысли. В статье со всей очевидностью выявились серьезные расхождения между почвенничеством Достоевского, Григорьева и Страхова с их глубоким уважением к мысли, философским отстаиванием коренных народных начал — и чисто политической, государственнической позицией Каткова, требовавшего принимать государство таким, как оно есть, и, меньше пускаясь в отвлеченные рассуждения, содействовать его дальнейшему укреплению.

Не лишним, кстати, будет отметить, что в то время как Страхов и другие члены редакции закрытого журнала надеялись тогда на помощь Каткова, считая его очень влиятельным журналистом, оказалось, что заступничество «глашатая охранительства» шло только во вред, так как министр внутренних дел Валуев отрицательно относился к деятельности Каткова. Это выяснилось только в 1890 г., когда в переиздании второй книги «Борьбы с Западом» в нашей литературе Страхов опубликовал запрещенные в 1860-е гг. материалы, связанные с «Роковым вопросом».

Всякое обсуждение в печати темы закрытия «Времени» из-за «Рокового вопроса», кроме статьи Каткова в «Русском вестнике», было запрещено. Тем не менее, голоса все-таки пробивались. Одним из тех, кому по горячим следам довелось откликнуться на эту статью Каткова, стал славянофил Самарин, который в аксаковском «Дне» иронически отметил странную категоричность налагаемых автором «прещений» заниматься философией и иметь отличное от него мировоззрение<sup>43</sup>. Упрек Каткова по поводу «всеми забытой» гегелевской философии Самарин сравнил с подходом к товарам, вышедшим из моды, язвительно вопрошая: «Да неужели в самом деле и в области отвлеченного мышления отступление от моды так же непростительно, как и в нарядах?»<sup>44</sup>. Отстаивая принцип народности, лежащий в основе славянофильства, Самарин заявлял: «...нет ничего нелепого в противопоставлении цивилизации

<sup>42</sup> Катков М. Н. По поводу статьи «Роковой вопрос» // Там же. С. 110.

<sup>43</sup> Самарин Ю. Ф. По поводу мнения «Русского Вестника» о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации // День. 1863. № 36. 7 сентября. С. 4–10.

<sup>44</sup> Там же. С. 5–6.

западно-европейской или католико-протестантской — цивилизации православно-русской, а, напротив, непризнание громадной разницы между этими двумя мирами есть прямо признак замечательной близорукости»<sup>45</sup>.

Страхов был чрезвычайно расстроен прежде всего тем, как было воспринято его сочинение. В какой-то степени автор опального сочинения утешался тем, что в «Revue de deux Mondes» появилась статья известного критика Шарля де Мазада<sup>46</sup>, в которой «Роковой вопрос» понимался именно так, как был задуман автором. Страхов, сообщая Достоевскому о последствиях запрета его статьи, с радостью отметил, что Мазад понял статью правильно, правда, посчитав, что она написана Достоевским. Довольный откликом француза, Страхов писал Достоевскому: «Вероятно, Вы читали (Revue de deux Mondes, 1 Août) ссылку на мою статью, которая приписана Вам. Статейка Mazad'a дурно написана, но в ней есть доля правды»<sup>47</sup>. Упомянул Страхов в письме и о других отрадных вести из-за границы: «Я слышал от приезжих из-за границы, что моя статья служила для тамошних русских патриотов орудием против увлечения польским делом, что на нее указывали как на истинно-патриотический взгляд... Это странное известие меня очень порадовало. Нашлись же понимающие люди!»<sup>48</sup>

Со временем почти все стали трактовать это нелепое цензурное событие как недоразумение. Оппозиционная пресса воспринимала конфликт не без злорадства. Радикальный критик Ткачев через десять лет вспоминал об этой истории с иронией: «Вопрос был очень тонкий и щекотливый; наш философ <...> желал разрешить его в смысле гг. Каткова и Аксакова, но на самом деле решил его так, что навлек на себя нареkanie в сеянии „смуты и крамолы“, и Аксаков с Катковым не только не одобрили его, но едва ли не первые обличили его в измене и призвали к порядку»<sup>49</sup>.

В 1883 г. либеральный критик К. Арсеньев, по понятным причинам относившийся к журналу Достоевских без всякой симпатии, всё же назвал закрытие «Времени» самой большой нелепицей в цензуре. По его понятиям, между взглядами Каткова и журнала «Время» не было существенной разницы, и он считал закрытие «Времени» недоразумением, конфликтом если не между «своими», то между близкими направлениями: «Своя своих не познаша»<sup>50</sup>.

\* \* \*

Хотя Страхов брал часть вины за случившееся на себя, он все-таки был сильно обижен на Каткова за непонимание очевидного патриотического смысла его статьи «Роковой вопрос» и за грубое, похожее на донос нападение «Московских ведомостей» не на какой-нибудь злобный печатный орган нигилистов, а на вполне умеренный почвеннический журнал. Остался, вероятно, и неприятный осадок от катковских нравоучений из майского номера «Русского вестника». Об этом говорит прежде всего то, что Страхов постарался, несмотря на строгие цензурные запреты, найти возможность показать Каткову всю неблагоприятность его поступка.

18 сентября 1863 г. Страхов сообщил Достоевскому, что написал в «Библиотеку для чтения» статью, в которой все-таки «отомстил» Каткову за журнал «Время»: «Что я делаю теперь? Согрешил — написал статейку против Каткова „По поводу статьи Русского вестника“. Моя статья называется „Нечто о Р<усском> В<естнике>“

<sup>45</sup> Там же. С. 9.

<sup>46</sup> Mazade Charles de. Un Écrit sur la Pologne et le système russe // Revue de deux Mondes. Tome 46. 1863. 1 Août. Pp.756–763.

<sup>47</sup> Письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому... С. 256.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> П. Н. [Ткачев П. Н.] Больные люди // Дело. 1873. № 3. С. 152–153.

<sup>50</sup> Арсеньев К. Многострадальный писатель. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С.-Петербург, 1883 // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 322–342.

и без подписи помещена в „Библиотеке для чтения“»<sup>51</sup>. Статью Страхов подписал псевдонимом Н. Нелишко, которым ранее не пользовался<sup>52</sup>.

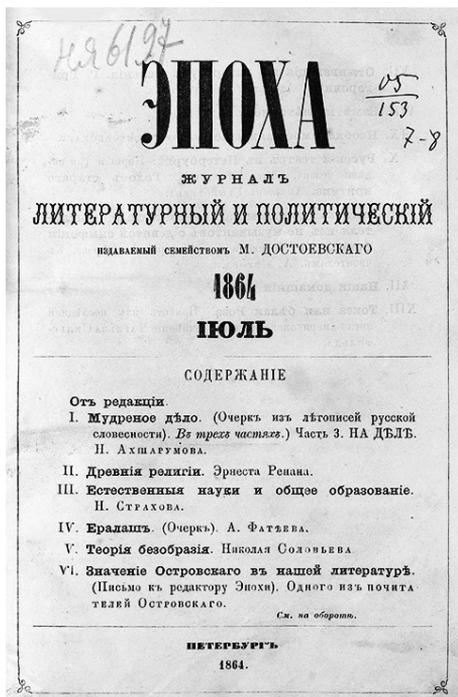
Запрет журнала «Время», виновником которого стал Страхов, оказал сильное влияние на его материальное положение: «„Роковой вопрос“ для меня все еще новость, все еще полон интереса. Это верно даже буквально: у меня теперь нет денег, я кругом в долгах — и все это вследствие „роковой“ статьи»<sup>53</sup>.

\* \* \*

В 1864 г. на смену «Времени» пришел, наконец, новый разрешенный журнал «Эпоха». Одним из предварительных вариантов его названия, что любопытно, было название «Почва», позже отвергнутое, так как «показалось почему-то таинственным»<sup>54</sup>. Страхов подготовил для первого номера статью по польскому вопросу, чтобы не осталось сомнения в его патриотической позиции. Однако эта и еще одна его готовая статья («Перелом» и «Воздушные явления»), несмотря на всю их благонамеренность, не были пропущены цензурой и появились в печати лишь в 1890 г.

И все-таки литературная полемика Страхова с изданиями Каткова продолжалась. В августовском номере «Эпохи» в 1864 г. ему удалось напечатать критическую статью о той самой газете, в которой ему был нанесен смертельный удар. Эта статья, «Народное чувство „Московских ведомостей“», была посвящена национально-патриотической теме, или, как выразился Страхов, «чувству русской народности», которое, по его мнению, должно лежать в основании всех наших мыслей и желаний. В «Московских ведомостях», считал критик, это чувство «всегда оставляло желать несколько большей ясности и определенности»<sup>55</sup>. Это было уже не сведение счетов, а очередная принципиальная дискуссия по национальному вопросу, в которой выявлялись те противоречия различных консервативных имперских и национально ориентированных изданий, которые выявились в спорах с Катковым. Для Каткова, как критически отмечал Страхов, «русское дело есть дело цивилизации и человечества»<sup>56</sup> и он выражает во имя здравого смысла неприятие «темного фанатизма», «квасного патриотизма» и всяческих фантазий, под которыми он в духе западнического европеизма понимает, конечно, славянофильские теории.

Страхов с полным основанием задается вопросом: «Как же это понимать? Не значит ли это, что мы, русские, имеем право на жизнь и силу только потому,



Титульный лист журнала «Эпоха»  
(июль 1864 г.)

<sup>51</sup> Письма Страхова к Ф. М. Достоевскому... С. 256.

<sup>52</sup> Нелишко Н. [Страхов Н.Н.]. Нечто о «Русском вестнике» // Библиотека для чтения. 1863. № 7. С. 96–109; то же: Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890. С. 237–257.

<sup>53</sup> Письма Страхова к Ф. М. Достоевскому... С. 256.

<sup>54</sup> Н. Н. Страхов — Павлу Н. Страхову // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т. 86). М., 1973. С. 393.

<sup>55</sup> Страхов Н. Из истории литературного нигилизма... С. 470.

<sup>56</sup> Там же. С. 471.

что со временем цивилизуемся, объевропеимся и станем не хуже других? О! конечно, нет, конечно, не так это следует понимать. Если русское дело есть дело цивилизации и человечества, то, конечно, потому, что наша духовная жизнь, наше православие, наша история, наш общественный склад составляют важный элемент в европейской цивилизации, важный элемент в истории человечества. Только таким образом права русской народности получают полное и незыблемое основание»<sup>57</sup>. Не выступая прямо против Каткова, Страхов указывает на их различное отношение к национальному вопросу и на элементы западничества в государственнической политической линии, проводимой московским публицистом.

Однако уже в следующей небольшой заметке, «Элементарные понятия», напечатанной в «Эпохе», Страхов берет примирительный тон и делает акцент не на расхождениях с Катковым и его изданиями, а на сближающих их чертах в понимании национальной политики: «Каждый здравомыслящий человек, конечно, согласится с приведенными выше словами „Московских Ведомостей“ о русской политике. Именно, что политика русского правительства может не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначению, как принимая все более и более национальный характер»<sup>58</sup>. Критик выражается твердо и недвусмысленно: «Живое, органическое государство всегда национально; разница может быть только в том, насколько ясно и сознательно оно понимает свои национальные начала и требования; чем яснее, тем для него лучше»<sup>59</sup>.

Хотя самого Каткова часто называют «националистом» и его воззрения современник исследователь определяет как «бюрократический национализм»<sup>60</sup>, Катков явно отдавал предпочтение общеимперским, государственным интересам, а русских поддерживал только как государствообразующую нацию, что резко отличало его от взгляда почвенников с их упором на коренные народные начала. Каткова, например, устраивали германофильские настроения остзейских немцев, при условии их верности русскому монарху и империи. Страхов, который был с ним, конечно, не согласен, в статье «Русские немцы»<sup>61</sup> высказался в духе славянофила Ю. Ф. Самарина, отвергая претензии немцев на право считать территорию Прибалтики своей германской вотчиной.

Страхов заявлял: «Мы можем прямо и открыто желать, чтобы немцы, живущие, действующие и служащие среди нас, разучились своему языку, приняли православную веру, словом вполне обрусели, вполне слились с русскими людьми»<sup>62</sup>. Точно так же неприемлемым нашел Страхов выдвинутую «Московскими ведомостями» странную идею завести у нас русских католиков.

Были у Страхова разногласия с Катковым и по вопросу широкого внедрения в русские гимназии классицизма, в котором Катков, один из его инициаторов, видел панацею от нигилистической смуты среди молодежи. Страхов не был явным противником классицизма, подобно В. В. Розанову, связывавшему с этой системой «сумерки просвещения», но всё же предпочитал разумно соразмерное развитие как классического, так и реального образования. Будучи биологом по профессии и после гимназическим преподавателем естественной истории в течение восьми лет, он хорошо понимал необходимость уравнивания классического образования преподаванием практических естественных наук, которое было необходимо для значительной части трудового населения.

Страхов занимал в этом вопросе умеренную примирительную позицию, понимая, что для развития общества нужны оба направления: «Пусть защитники классического

<sup>57</sup> Там же. С. 472.

<sup>58</sup> Там же. С. 472–473.

<sup>59</sup> Там же. С. 473.

<sup>60</sup> Котов А. Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. Монография. СПб., 2010. С. 57.

<sup>61</sup> Страхов Н. Русские немцы // Страхов Н. Из истории литературного нигилизма... С. 408–413.

<sup>62</sup> Страхов Н. Из истории литературного нигилизма... С. 411.

образования ясно и несомненно докажут публике невежество защитников реального образования; сии последние пусть, в свою очередь, столь же ясно и несомненно докажут невежество первых. Тогда, наконец, водворится равенство, битва будет кончена, умы успокоятся и можно будет приняться за настоящий вопрос, за действительное решение дела»<sup>63</sup>.

\* \* \*

В 1865 г. «Эпоха» прекратила существование. Страхов на некоторое время остался без регулярной работы. Он много занимался переводами, сотрудничал в «Библиотеке для чтения», где издателем и редактором был П. Д. Боборыкин. Затем А. А. Краевский пригласил его редактором в Отечественные записки». Страхов только начал разворачиваться, составил планы, пригласил сотрудников, и в этот момент Краевский принял решение передать журнал группе деловых либеральных журналистов во главе с Некрасовым. Решение это было принято Краевским исключительно из коммерческих соображений, и к нему у Страхова не имелось претензий. Но консервативному критику и редактору было крайне неприятно видеть очередную неудачу своего направления и то, что очередной журнал попал в руки идейных противников, которые поведут в нем свою разрушительную пропаганду.

К этому времени Страхов стал автором большого количества литературно-критических работ и признанным профессиональным критиком, но в журналистике сложилась такая ситуация, что работать ему было негде. Оставался единственный шанс: снова обратиться с просьбой о сотрудничестве к Каткову.

Страхов не забывал об изданиях Каткова всё это время. Так, в не пропущенной цензурой статье «Воздушные явления» он, говоря о развернувшейся критической деятельности Добролюбова, автора знаменитой статьи о «темном царстве», отметил отсутствие «правильной и здоровой» критики, способной «соперничать с голосом Добролюбова». Таким журналом, считает Страхов, мог бы стать успешный «Русский вестник», но тщетными, по его мнению, оказались все попытки журнала «завести у себя критику», и потому «скипетр критики остался постоянно в руках Добролюбова»<sup>64</sup>. В «Русском вестнике» действительно практически не было своей литературной критики, хоть в какой-то степени достойной прославивших журнал Каткова выдающейся художественной прозы и боевитой публицистики. Критиков в «Русском вестнике» нередко подменяли публицисты, в частности Петр Карлович Щебальский, который странным образом сочетал консерватизм воззрений с либеральным западничеством и своего рода панславизмом. Иногда роль критика в журнале брал на себя сам Катков, написавший ряд интересных статей, в частности о романе Тургенева «Отцы и дети» и о Пушкине.

Вполне естественно, что, оставшись в очередной раз «у разбитого корыта», в марте 1868 г. Страхов опять был вынужден пойти на поклон к набравшему силу Каткову. Он так начал свое письмо с просьбой о сотрудничестве: «Пишу к Вам, высокопочитаемый Михаил Никифорович, с тем, чтобы просить места в Вашем журнале для своей статьи. Краевский выдернул из под моих рук „Отечественные записки“ в то самое время, когда я только что расписался и у меня образовались большие планы относительно литературной критики и статей философского содержания...»<sup>65</sup>.

Это письмо, которое Страхов полностью воспроизвел в своем письме к Достоевскому, представляет несомненный интерес для историков литературы. Страхов предлагал Каткову опубликовать в «Русском вестнике» задуманные им статьи о романе «Война и мир», который, как известно, первоначально печатался в «Русском

<sup>63</sup> Там же. С. 281.

<sup>64</sup> *Страхов Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2... С. 203.

<sup>65</sup> Письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому... С. 257.

вестнике». Страхов подробно излагает план своей большой работы о романе, опирающейся на творческое наследие Пушкина и на идеи Аполлона Григорьева. Сама эта работа нам уже хорошо известна: цикл статей Страхова о «Войне и мире» украсил спустя год новый журнал «Заря» и стал, по общему признанию, одной из вершин творческого наследия критика. Но у предубежденного Каткова в «Русском вестнике» Страхов с его явно почвеннической трактовкой «Войны и мира» понимания тогда не нашел.

Судя по всему, Каткова вполне устраивал упомянутый выше П. К. Щебальский, который опубликовал в 1868 г. в «Русском вестнике» статью как раз о «Войне и мире». Через год, кстати, тот же Щебальский напечатал в журнале Каткова еще одну примечательную статью, «Нигилизм в истории» (1869. № 4), в которой резко критиковал Толстого за неверную трактовку исторических событий и лиц в романе «Война и мир» и утверждал, будто Толстой «видит в истории полнейший нигилизм»<sup>66</sup>. Ехидный В. П. Буренин, между прочим, не упустил случая посмеяться над сомнительным вкусом консервативного критика, отнесшего к «нигилистам» автора великого жизнеутверждающего романа.

\* \* \*

Ответа от Каткова Страхов так и не удостоился. В ноябре 1868 г. он писал Достоевскому: «Катков ничего мне не отвечал на мои предложения; потом я еще послал ему статью за подписью Косицы — не напечатал. Я, впрочем, не имею никаких претензий на него. Я слишком его уважаю, да и вообще признаю за каждым право быть хозяином в своем журнале. Притом чувствую, что в „Русском вестнике“ был бы не на месте»<sup>67</sup>.

Однако наша жизнь интересна тем, что она делает иногда причудливые зигзаги от безнадежности к радости и наоборот. Очень скоро, в том же 1868 г., в жизни Страхова неожиданно началась совсем иная, счастливая полоса: он получил приглашение стать редактором нового журнала «Заря». Это было время расцвета его творческой деятельности, пусть оно и продолжалось недолго. Страхову повезло уже в том, что издателем «Зари» стал его полный единомышленник, молодой помещик В. В. Кашпирёв, выросший идейно на почвеннических журналах «Время» и «Эпоха». Он заявлял направление нового журнала как «светское славянофильство», без крайностей «чистых славянофилов»<sup>68</sup>. Страхов собрал в журнале интересных людей с соответствующими взглядами, сам писал прекрасные статьи в славянофильском духе почти для каждого номера, отдельные или в рубрике «Критические заметки о русской текущей литературе». Достоевский с восторгом отзывался о журнале, нахваливал Страхова как лучшего современного критика. В «Заре» были напечатаны, например, имевший успех у читателей большой очерк Страхова о «разочарованном западнике» Герцене, статья о Ренане, одна из самых консервативных статей критика «Парижская коммуна» и другие статьи, составившие позже основу первого его сборника «Борьба с Западом в нашей литературе».

Но счастливая пора продолжалась не очень долго. Скоро выяснилось, что амбициозный издатель и номинальный редактор Кашпирёв был удивительно не организован, журнал издавался и доставлялся читателям неаккуратно и вечно запаздывал. Кроме того, консервативные и национальные идеи, на которых строилась программа журнала, не имели успеха в обществе, и расходилась «Заря» плохо. В январе 1871 г. Кашпирёв отстранил Страхова от редакторства и попытался редактировать журнал сам. Несмотря на то, что Страхову удалось получить для журнала от Толстого замечательный рассказ «Кавказский пленник», в 1872 г., после февральского номера с этим рассказом, журнал «Заря» бесславно прекратил свое существование.

<sup>66</sup> Щебальский П. Нигилизм в истории // Русский вестник. 1869 № 4. С. 857.

<sup>67</sup> Письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому... С. 260.

<sup>68</sup> Н. Н. Страхов — В. А. Ламанскому. 1868 // РО ИРЛИ. Ф. Ед. кр. 2382. Л. 7.

Главной приманкой для интеллектуальных читателей с первого номера «Зари» был историсофский труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», скромно названный при издании его в журнале «статьей». Достоевский от труда Данилевского был в восхищении и до того жадно продолжения, что каждый день бегал на почту в ожидании: не пришел ли очередной номер «Зари». Леонтьев перечитывал номера «Зари» с «Россией и Европой» по несколько раз. Он увидел в книге Данилевского поразительное сходство с собственными мыслями и впоследствии называл Данилевского своим учителем. А «Русский вестник», как и оппозиционные издания, отметился лениво-пренебрежительной рецензией... всё того же Щебальского («Русский вестник». 1869. Май). По мнению критика, Данилевский не сказал ничего нового после славянофилов и напрасно так долго, из номера в номер тянет свою нудную песню.

Страхов ответил критикам Данилевского, в том числе и «Русскому вестнику» («Заря», 1869, июль), упреком, что труд Данилевского богат содержанием, предлагает новое учение о культурно-исторических типах, но критики останавливаются лишь на заезженном тезисе о том, что «Запад гниет», сводя всю критику к высмеиванию этого тезиса. Щебальский в ответной «Заметке» в космополитическом духе отрицал наличие культурно-исторических типов: «Ныне культура одна для всех: это та, которая с Востока перешла в Грецию, а оттуда разлилась по всей почти Европе и Америке»<sup>69</sup>. А по поводу критики Европы, прозвучавшей со страниц «Зари», Щебальский ответил в «Заметке» ироническим предсказанием, что Запад «гниет уже полтора или двести лет, и если не дети, то внуки наши без сомнения будут свидетелями превращения Западной Европы в Среднюю Азию»<sup>70</sup>.

\* \* \*

После серии опубликованных в «Заре» блистательных статей о романе «Война и мир» Страхов познакомился, а затем и подружился с Львом Толстым. Как и большинство крупнейших писателей того времени, Толстой печатал свои выдающиеся романы в «Русском вестнике» у Каткова. Катков ценил своих авторов и создавал им самые благоприятные условия для работы. Такие публикации давали журналу огромный тираж и в первую очередь обеспечили ту репутацию «гениального редактора», которую хотел иметь этот энергичный журналист. Катков не скупился на оплату произведений лучших русских писателей. Так что «Русский вестник» был таким журналом, где печататься было не только престижно, но и выгодно.

Поэтому когда Толстой спросил у опытного в журнальном деле Страхова, где ему печатать роман «Анна Каренина», Страхов высказался в пользу «Русского вестника». Толстой послушался его совета и писал ему 23 декабря 1874 г.: «Я отдал (на словах) роман Каткову, и ваш совет отдать заставить меня решиться. А то я колебался»<sup>71</sup>. Роман «Анна Каренина» еще не был написан, но после «Войны и мира» издатели наперебой предлагали свои услуги создателю эпопеи, которая первоначально печаталась в «Русском вестнике» и которую Страхов назвал одним из великих произведений мировой литературы.

Тесно связанный с Толстым, Страхов часто выступал в роли литературного советчика писателя, и Толстой доверял его вкусу. Этим вызваны участившиеся встречи Страхова с Катковым и обсуждение его поступков в переписке Страхова с Толстым. Вероятно, зная, что выбор «Русского вестника» для нового романа Толстой сделал, опираясь на мнение друга, практичный Катков стал обхаживать своим вниманием оказавшегося столь влиятельным критика. Но, судя по их повторяющимся с 1860-х гг. встречам и расставаниям, помимо практического интереса с обеих сторон, между

<sup>69</sup> П. Ш. [Щебальский П.]. Заметка // Русский вестник. 1869. Август. С. 769.

<sup>70</sup> Там же.

<sup>71</sup> Там же. С. 188.

ними было и нечто общее: оба они, и Катков, и Страхов, в преданности своему делу очень подходили друг другу. Страхову приходилось также довольно много печататься в «Гражданине» князя Мещерского, но он всегда относился к этому известному издателю консервативного направления с некоторым пренебрежением. Впрочем, и Катков отталкивал его своими диктаторскими замашками.

Катков умел вести журнальные дела, и, понимая всю ценность романа «Анна Каренина» для журнала, щедро заплатил за него. 1 января 1875 г. Страхов сообщал Толстому: «Приятно думать, что Вам хорошо заплатили; 20 тысяч еще небывалая цена за роман <...>. Был здесь также Катков, и был очень ласков со мною, и навещал, и позвал к себе на именины дочери, и усердно приглашал в „Русский вестник“ и в „Московские ведомости“»<sup>72</sup>.

Однако приглашение несколько запоздало. После закрытия «Зари» в начале 1871 г. у оказавшегося на вольных хлебах Страхова не было ни постоянной редакторской работы, ни такого печатного органа, где он мог бы регулярно помещать свои статьи, и он сильно нуждался. А в 1873 г. он был приглашен почти сразу на две пусть и не творческие, зато очень солидные и не слишком обременительные должности: он стал заведующим юридическим отделом Императорской публичной библиотеки, а спустя некоторое время и членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Страхов, став уже служащим, сетовал по поводу несколько запоздалого приглашения от Каткова: «Ах, если бы это было года два назад! А теперь я не могу просиживать все утро над бумагой, и нет у меня прежнего задора удивлять публику»<sup>73</sup>.

О своем устройстве на постоянную, по сути дела чиновничью службу Страхов написал в кратких «Биографических сведениях», составленных им к концу жизни специально для работавшего над его биографией Б. Н. Никольского и известных нам лишь в цитатах автора самой глубокой книги о Страхове: «Я увидел, что работать мне негде. „Русский вестник“ был единственным местом, но деспотический произвол Каткова был для меня невыносим. Я решил поступить на службу и с августа 1873 г. принял место библиотекаря Публичной библиотеки по юридическому отделению»<sup>74</sup>. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Страхова с Катковым развело не столько идейное противостояние, сколько недовольство Страхова диктаторскими замашками «гениального», по оценкам множества авторитетных лиц, редактора.

\* \* \*

Тем временем эпопея с публикацией романа «Анна Каренина» близилась к завершению. Писался роман трудно, и Толстой делал большие перерывы, беспокоившие нетерпеливых читателей и, конечно, редактора «Русского вестника». Только Страхов выражал уверенность, что рождается новое великое произведение, подбадривал разочаровавшегося было в произведении автора и успокаивал издателя. Но именно тогда, когда дело пошло к концу (предстояло напечатать только последнюю часть), и начались главные неприятности. Взгляды Толстого, который в «Воине и мире» выглядел настоящим патриотом и почти славянофилом или почвенником, в этот период начали незаметно меняться. Вмешались политические события. Разгоралась балканская война, и Катков, как всегда, принимал в событиях государственной важности деятельное участие. Он не был сторонником панславизма как отдающей, по его мнению, либерализмом и фантазерством отвлеченной доктрины, но, будучи стойким государственным деятелем, активно поддерживал начавшуюся балканскую кампанию по освобождению славянских народов от турецкого ига. Катков приветствовал и русское добровольческое движение, предшествовавшее военным действиям.

<sup>72</sup> Там же. С. 189.

<sup>73</sup> Там же.

<sup>74</sup> Никольский Б. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. 1896. Т. 64. Апрель. С. 252.

Однако Толстой имел другую точку зрения на начинающиеся военные действия. Он выразил устами автобиографического героя романа Лёвина пренебрежительное отношение к действиям русских добровольцев в Сербии. Катков нашел эти слова оскорбительными и, присущей ему в таких случаях принципиальностью, категорически отказался печатать последнюю часть романа, заявив о решительном несогласии с выраженной в ней позицией автора. Катков поступал так не раз: достаточно вспомнить то, что в 1872 г. он решительно отказался печатать уже набранную в «Русском вестнике» главу о Тихоне из романа Достоевского «Бесы» из-за ее «невыносимого реализма». Достоевский был тогда вынужден согласиться с издателем, в то время как менее зависимый от Каткова Толстой предпочел отказаться от требуемой издателем правки и порвать с ним отношения. По совету и при прямом участии Страхова последняя часть «Анны Карениной» была подготовлена к изданию отдельной книгой.

Из-за этого конфликта разладились отношения Каткова не только с Толстым, но и со Страховым, который поддержал автора «Анны Карениной». Страхов помогал Толстому разрешить трудную ситуацию и в письмах к писателю обвинял Каткова в интриганстве и «иезуитизме». Но собственное его отношение к балканским событиям было, конечно, несколько иным, чем у Толстого.

После этой ссоры произведения Страхова в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» долгое время не появлялись. Что же касается взглядов философа и критика, то, подпав под влияние могучей личности Толстого, он почти не замечал, как и сам постепенно заражался «лихорадкой обличения и неверия»<sup>75</sup>. Правда, Страхов еще держался и, сотрудничая преимущественно в «Руси» И. С. Аксакова, «Гражданине» и «Новом времени», по-прежнему отстаивал традиционные ценности перед всё более впадавшим в нигилистические крайности великим писателем.

Заслуживает внимания еще один небольшой эпизод в истории возобновления сотрудничества Страхова с «Русским вестником». В январе 1887 г., незадолго до кончины Каткова, Страхов напечатал в его журнале большую статью о Данилевском «Полное опровержение дарвинизма». Рецензию на вторую, изданную им же книгу «Дарвинизм» покойного друга Страхов предварил обширной биографической главой. Статья привела в восторг К. Н. Леонтьева, который написал Страхову 8 февраля: «Как Вы меня утешили и обрадовали, дорогой Николай Николаевич, Вашей статьей о Н. Я. Данилевском в „Русском вестнике“! Выразить Вам не могу! И как я рад, что гениальный рутинер редактор допустил (через 10–15 лет после пошлого отзыва Щебальского!) наконец на страницы „Русского вестника“ такую оценку нашего великого учителя. Позволил даже в цитате Бестужева назвать Николая Яковлевича тоже „гениальным“»<sup>76</sup>

Публикация этой статьи о Данилевском и его второй книге показывает, что Катков мог быть и гибок — скептически относясь, насколько можно понять, к теории культурно-исторических типов Данилевского, которого он считал славянофилом, Катков все-таки напечатал статью Страхова о нем в своем журнале. Причина тут очевидна: Катков также осознавал всю идеологическую опасность учения Дарвина для молодежи. Он знал, что неверно поданная наука часто служила обоснованием для прихода молодежи к нигилизму.

Характерно, что Данилевский и сам воспринимал этот свой труд как средство борьбы с нигилизмом и даже сравнивал будущее влияние «Дарвинизма» с катковским классицизмом: «...вообще он смотрел на свое сочинение как на средство уничтожить материализм и нигилизм, и в одном письме к Н. П. Семенову говорит, что это средство будет лучше греческого и латинского языков, в которых Катков видел наше спасение от вредных учений»<sup>77</sup>.

Страхов до конца своих дней продолжал сотрудничать в сохранявшем консервативные катковские традиции «Русском вестнике».

<sup>75</sup> Там же. С. 351.

<sup>76</sup> Леонтьев К. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 302.

<sup>77</sup> Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава; М., 2003. Т. 2. С. 789–790.

Если рассматривать взаимоотношения Каткова и Страхова в целом, то напрашивается очевидный вывод: была одна тема, в трактовке которой между Катковым и Страховым не наблюдалось существенных расхождений — это тема нигилизма. На осуждении увлечения молодежи вредоносными учениями они сошлись со Страховым в 1860 г., и эта тема продолжала волновать каждого из них на протяжении всей жизни. Практически всё, что писали Катков и Страхов, имело отношение к борьбе с нигилизмом. Например, уже само название, данное Страховым сборнику его статей за период его сотрудничества в журнале «Время» — «Из истории литературного нигилизма», — говорит о том, что это была сквозная тема всего его творчества. То же можно сказать и о Каткове, статьи которого на темы борьбы с крамолой и террором составили целый том собрания сочинений под названием «Власть и террор».

Беспрецедентное дело террористки Веры Засулич, освобожденной присяжными заседателями прямо в зале суда, вызвало гнев обоих публицистов. Пресечение распространения крамолы и борьбе с террором, развязанным в это время против государственных лиц, посвящено бесконечное множество статей Каткова. Одно из самых значительных произведений Страхова — цикл статей «Нигилизм» (вошел во второй том «Борьбы с Западом») — был им написан после трагической кончины Царя-Освободителя Александра II в результате террористического акта в 1881 г. Мысли Страхова перекликаются с многочисленными статьями Каткова, написанными по поводу царевубийства.

Можно отметить, в частности, что оба они указывали на псевдорелигиозный характер революционной идеологии террористов. Катков рассматривал веру в прогресс как своего рода религию наоборот: «Отрицательное направление есть своего рода религия, — религия опрокинутая, исполненная внутреннего противоречия и бессмыслицы, но тем не менее религия, которая может иметь своих учеников и фанатиков»<sup>78</sup>. О религиозном характере веры революционной молодежи в науку и прогресс неоднократно заявлял и Страхов. Недаром либеральный деятель Протопопов писал по поводу «Борьбы с Западом», что Страхов называет нашу веру в прогресс «верой религиозной» и утверждает, что «мы свою веру в небесный рай переменили на веру в рай земной»<sup>79</sup>.

Страхов, как и Катков, обращал внимание не только на физический террор, покушения на жизнь людей, но и на другой, не менее страшный и опасный для страны вид преследования неугодных «прогрессистам» писателей и публицистов — террор литературный, «казни» общественного мнения. Ввязавшись в журнале «Время» в полемику с «Современником» и другими оппозиционными изданиями, Страхов на себе прочувствовал всю силу либерального террора 60–70-х гг.: «Понемногу начались действия, которые, кажется, всего лучше назвать *литературными казнями*. Эти казни сначала были редки и совершались сперва с тем единодушием, которое тогда было свойственно литературе. Если какой-нибудь писатель оказывался виновным, то, бывало, вся литература набрасывалась на эту жертву, набрасывалась так же, как на взятки, побои или какой-нибудь другой безобразный поступок, выплывший на свет Божий. По всем журналам сыпались бесчисленные насмешки, и несчастному писателю приходилось плохо. Такое времяпровождение очень понравилось, и нашлось много охотников до такой расправы, производимой в собственном литературном кругу. Партия „Современника“, имевшая сильный вес в публике, загорелась особенным усердием; она стала действовать как некоторого рода *комитет общественного спасения*, и этот комитет, отличавшийся великою и возрастающею жестокостию, долго сохранял, однако же, полнейший авторитет. Литературные имена одно за другим были уничтожаемы; каждая книжка журнала совершала несколько казней и угрожала тем, кто еще не подвергся гибели. Память об этих временах литературного террора теперь почти

<sup>78</sup> Катков М. Н. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. СПб.: Росток, 2010. С. 512.

<sup>79</sup> Протопопов М. Кладбищенская философия. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. СПб., 1882 // Дело. 1882. № 6. Отд. II. С. 4.

вовсе изгладилась; но тогда шум стоял большой и дело нимало не казалось смешным»<sup>80</sup>. Эти обобщающие наблюдения литературной нетерпимости радикальных изданий времен нигилизма были вполне созвучны консервативно-охранительным настроениям, неизменным в публицистике Каткова на протяжении всей его плодотворной жизни.

В 1887 г. Страхов так отреагировал в письме к Толстому на известие о смерти Каткова: «Три дни назад пришло известие о смерти Каткова. Хотя я все больше и больше привыкаю и к тому, что все мгновенно и проходит, и к тому, чтобы не думать вовсе о так называемых *внутренних* и *внешних делах*, но тут невольно задумался. Эта смерть почти равняется перемене царствования. Многие зашатается. Благодаря Каткову деятельность правительства имеет постоянно вид твердости, энергии, последовательности; но, в сущности, я всегда удивлялся, как не замечает Катков, что его страстное вмешательство в дела не ведет ни к чему хорошему. Это был самый нелогический, и потому самый решительный и самый красноречивый человек. Польское восстание и начало „Моск<овских> ведомостей“ совпадают: 1863 г. И с тех самых пор наши дела идут хуже и хуже. Между тем, он, возбужденный своею удачею в Польском деле, работал неутомимо, и сколько раз он громко и торжественно возвещал: наконец мы на прямом пути, наконец все идет прекрасно! Вы правы, Лев Николаевич, — люди — марионетки, которыми кто-то двигает, и они только воображают, что сами двигаются»<sup>81</sup>.

Но более справедливой оценкой деятельности Каткова Страховым, думается, станут не эти исполненные толстовско-шопенгауэровского пессимизма слова, а то, что он написал тогда, в июле 1887 г., Афанасию Фету о невосполнимости утраты и величии примера для каждого человека: «Катков — блистательный пример того, что может сделать частный человек, — пример, который должен нас ободрять, должен каждому показывать, что нечего жаловаться на невозможность действовать»<sup>82</sup>.

Катков, в отличие от Страхова, умер в славе, и это признание было им заслужено поистине неутомимой деятельностью на пользу Отечества. Казалось, вся Россия почтила его память благодарными откликами. Его знали за границей, где считали великим журналистом за огромное влияние на русскую политическую жизнь. Но скоро всё изменилось.

Розанов размышлял в 1914 г. на примере Каткова о бренности земной славы: «При жизни его значение, влияние, слава у нас и за границей — были огромны. Но когда он умер, то тело его как будто „рассыпалось“ (бывает). Ничего не осталось. И теперь — ни слуху, ни духу. Ужасная судьба»<sup>83</sup>. Розанов отмечает, что Катков был лишь публицист, политик, а не литератор, и слава его померкла потому, что он был из практических государственных людей и, в сущности, ничего не сделал *в литературе*. И даже задается вопросом: «Не в этом ли суть, что взор Каткова был фиксирован на правительстве, а не на душе человеческой?»<sup>84</sup>

Однако, думается, Розанов был в этом выводе неправ. Родина не забывает своих великих людей, на каком бы поприще они ни выступали. Катков не был забыт — он был



Н. Н. Страхов.  
Снимок 1890-х гг.

<sup>80</sup> Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском... С. 394.

<sup>81</sup> Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Кн. 2.... С. 747–748.

<sup>82</sup> А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М., 2001. Кн. 2. С. 438.

<sup>83</sup> Розанов В. В. Когда начальство ушло... С. 468.

<sup>84</sup> Там же.

оболган и замолчан теми силами «литературного террора», с которыми он воевал при жизни. Но в этом его судьба перекликается с судьбами самых достойных и мыслящих представителей русской литературы и общественной мысли, которых тот же Розанов метко назвал «литературными изгнанниками».

И он не раз вспоминал Каткова в одном ряду со Страховым как тех консервативных публицистов и мыслителей, которых отказывалось читать и даже вспоминать радикально настроенное общество: «Катков — его имя даже не упоминается нигде. Не то чтобы его опровергать, но „не стоит и вспомнить“. Он до такой степени не есть „борец“ и „сила“, что его даже не толкают плечом. Просто „переезжают“, как через труп, который никогда не был живым человеком. Что такое Ив. и Кон. Аксаковы? Забыты, — и я не помню случая, чтобы кто-нибудь вспомнил. Страхов, Ап. Григорьев...»<sup>85</sup>

Но справедливость рано или поздно торжествует: сегодня память о незаслуженно преданных забвению русских консервативных писателях и философах восстановлена, и они постепенно возвращаются к нам из долгого «литературного изгнания». Одним из свидетельств этого отрадного процесса стала посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося деятеля русской культуры М. Н. Каткова основательная статья И. Б. Гаврилова, появившаяся в журнале «Христианское чтение». В ней выражается мнение всех сторонников объективного подхода к истории русской литературно-философской, политической и социальной мысли: «Хочется надеяться, что дальнейшее серьезное научное исследование религиозно-философского наследия и литературно-издательской деятельности Михаила Никифоровича Каткова позволит отказаться от сложившихся стереотипов и поверхностных взглядов и по достоинству оценить его вклад в развитие отечественной религиозно-философской мысли и православного просвещения...»<sup>86</sup>.

## Источники и литература

1. А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М., 2001. Кн. 2.
2. Ред. [Аксаков И. С.] Заметка по поводу статьи в журнале «Время» (в 4 книге) «Роковой вопрос» // День. 1863. 1 июня. № 22. С. 1–2.
3. *Аполлон Григорьев*. Письма. М.: Наука, 1999.
4. *Арсеньев К.* Многострадальный писатель. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С.-Петербург, 1883 // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 322–342.
5. *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 292–314.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
7. И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. М.; Оттава, 2007.
8. *Катков М. Н.* Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2010–2012.
9. *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов. Опыт ведения общественной дискуссии. Монография. СПб., 2010.
10. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава; М., 2003.
11. *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Т. 2. 1858–1865. ГИХЛ, 1955.
12. *Никольский Б.* Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. 1896. Т. 64. Апрель. С. 215–268 (отд. изд. СПб., 1896).
13. *Петерсон К.* По поводу статьи: «Роковой вопрос» в журнале «Время» // Московские ведомости. 1863. 22 мая. № 109. С. 3.
14. Письма Н. Н. Стрехова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественного движения. / Под ред. И. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 255–281.

<sup>85</sup> Там же. С. 415.

<sup>86</sup> *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214.

15. П. Н. [Ткачев П. Н.] Больные люди // Дело. 1873. № 3.
16. Протопопов М. Кладбищенская философия. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. СПб., 1882 // Дело. 1882. № 6. Отд. II. С. 1–20.
17. П. Щ. [Щебальский П. К.] Заметка // Русский вестник. 1869. Август. С. 768–770.
18. П. Щ. [Щебальский П. К.] Литературные заметки. «Россия и Европа», соч. Н. Данилевского. Заря I–IV // Русский вестник. 1869. Май. С. 357–362.
19. Розанов В. В. Когда начальство ушло... (Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. Мимолетное. 1914 год). М.: Республика, 1997.
20. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
21. Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения (председатель СПб. цензурного комитета В. А. Цеэ) // Исторический вестник. 1911. Т. 125. Сентябрь. С. 984–987.
22. Самарин Ю. Ф. По поводу мнения «Русского Вестника» о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации // День. 1863. № 36. 7 сентября. С. 4–10.
23. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. Изд. 2-е. СПб., 1890.
24. Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890.
25. Страхов Н. Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве // Григорьев А. Воспоминания. М.; Л, Academia, 1930. С. 430–517.
26. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. С. 375–532.
27. Страхов Н. Об атомистической теории вещества // Русский вестник. 1860. Май. № 2. С. 143–194.
28. Фатеев В. А. «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 145–175.
29. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973 (серия «Литературное наследство»). Т. 86).
30. Штакениншейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л: Academia., 1934.
31. Щебальский П. Нигилизм в истории // Русский вестник. 1869. Апрель. С. 856–863.
32. Mazade, Charles de. Un Écrit sur la Pologne et le système russe // Revue de deux Mondes. Tome 46. 1863. 1 Août. Pp.756–763.

### **Valery Fateyev. M. N. Katkov and N. N. Strakhov. The History of the Relationship of Two Dissimilar Thinkers.**

**Abstract:** The article is devoted to the relationships between two eminent representatives of Russian Conservatism in the second half of the 19<sup>th</sup> century — Mikhail Katkov, the influential editor of the magazine *The Russian Messenger* and the newspaper *Moscow News*, and the philosopher, literary critic and scientist Nikolay Strakhov, a representative of the Native Soil movement. Their relations, varying from mutual interest, conservative ideological affinity and literary co-operation to unfriendly publications and even periods of confrontation, have never been an object of scholarly research. The article traces all the principal stages in their relationships: the start of correspondence in the early 1860s and attempts at co-cooperation; a conflict that led to the closing of the Dostoyevskys' magazine *Time*; a new period of co-operation; temporary rupture owing to Katkov's conflict with Leo Tolstoy because of the novel *Anna Karenina*; renewal of their literary co-operation aimed at resisting radical trends. A special emphasis is laid on a struggle against nihilism that brought these two notable representatives of conservatism together. The comparative analysis of their views is based on a wide range of literary works and epistolary sources.

**Keywords:** Mikhail Katkov, Nikolay Strakhov, Conservatism, Native Soil Movement, national identity, Slavophilism, conservative protection concept, Russian Westernism, nihilism, radical opposition, Fyodor Dostoyevsky, Apollon Grigoryev, Ivan Aksakov, Leo Tolstoy.

*Valery Aleksandrovich Fateyev* — Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of the Publishing House "Rostok" (vfateyev@gmail.com).